

П.А. Головнин

БАРОНЫ ФОН ШТЕЙНГЕЛЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

Кто не интересуется своими предками, тот дает этим право потомству забыть и о нем самом.

В.Н. Смольянинов-второй

В середине XVIII в. в Россию стали прибывать на службу представители немецкого дворянского рода фон Штейнгель. Родоначальником рода считается Albertus de Steinhillen, живший в Швабии в 1250 г., его внук Heinrich Steinhoel-Steinhowel-Steinheil уже служил в Esslingen в конце XIV в., его потомки носили фамилию Steinhowel, и только в XVII в. Hans Steinhowel стал писаться Steinhowel-Steinheil. Представители рода служили и в Военно-морском флоте России. Так, «Иван Федорович фон Штейнгель 6 декабря 1766 г. поступил в Морской кадетский корпус кадетом; плавал между Кронштадтом и Ревелем; в 1772 г. произведен в мичманы, на корабле “Чесма” в эскадре контр-адмирала Чичагова перешел из Кронштадта в Архипелаг и участвовал в Патрасском сражении. 21 апреля 1777 г. произведен в лейтенанты, на различных кораблях плавал в Балтийском, Немецком морях. В 1781–1782 гг. на корабле “Воин” в эскадре контр-адмирала Сухотина плавал от Кронштадта до Ливорно и обратно; 1 января 1784 г. произведен в капитан-лейтенанты и определен к Морскому корпусу в ранге капитана. В 1787 г., командуя фрегатом “Мстиславец”, плавал с гардемаринами в Балтийском море. В 1788 г. состоял при вице-адмирале Крузе по флагманским делам в “запасной” сборной эскадре, находившееся в Кронштадте. В 1789 г. командовал отрядом гребной флотилии у Аспо, командуя шебекою “Беллона”, участвовал в Роченсальмском сражении. В 1790 г., командуя гребным фрегатом “Св. Елена”, участвовал в Красногорском и Выборгском сражениях 29 мая. Произведен за отличия в капитаны 2-го ранга, награжден орденом Св. Георгия 4-го класса и золотою шпагою. 13 ноября 1796 г.

произведен в капитаны 1-го ранга. В 1797 г., командуя тем же кораблем, плавал у Красной горки с флотом, под штандартом Государя Императора, награжден орденом Св. Анны 3-й ст. В 1798–1800 гг., командуя тем же кораблем, плавал от Кронштадта до Англии в эскадре контр-адмирала Карцова, а потом крейсировал в Немецком море в эскадре вице-адмирала Макарова. 14 марта 1801 г. произведен в капитан-командоры, командовал кораблями “Зачатие Св. Анны” и “Благодать”, 19 февраля 1803 г. уволен от службы»¹.

В это же время Johann Wilhelm фон Штейнгель был министром Курфюрста Саксонского, а его сыновья — Johann Wilhelm, полковник русской службы и посланник при германском императоре Иосифа II, и Friedrich Jacob — были пожалованы в 1777 г. в баронское достоинство Священной Римской Империи и родовым гербом, которое утверждено за родом Штейнгель Правительствующим Сенатом в 1863 г., и получили соответствующую грамоту.

Описание герба: «Щит красный с двумя серебряными молотилами с золотыми рукоятками, наподобие Андреевского креста, и в каждом из четырех углов по золотой звезде, над щитом баронская с пятью большими жемчугами и драгоценными камнями украшенная корона, на которой находятся два шлема, вовнутрь обращенные, открытые, синеватые, внутри красные, с золотыми украшениями и ниспадающие покровы справа золото с красным, а слева серебро с красным, на верху правой короны два серебряных орлиных крыла вовнутрь плечами обращенные, а на верху левой короны, стоящий золотой во внутрь обращенный лев с красным высунувшимся языком и загнутым к верху хвостом. Щит поддерживают два козерога с золотыми рогами, и этот баронский герб посреди Настоящей Нашей Императорской Грамоты красками точно изображены»².

Герб баронов фон Штейнгель

Родственные связи дворянских родов Рагозиных, баронов фон Штейнгель, Голвинных
Albertus de Steinhillen , “miles-lebre 1250 in Schwaben,-von ihm ist weiter bekannt”
Dietricus , 1285
Heinrich Steinhoel-Steinhowel-Steinheil, war 1383 Richter in Esslingen und starb 1392
Hans Steinheil , war 1427 gleichfalls Richter in Esslingen
N.N.Steinhowel lebre und starb in Esslingen
Jacob Steinhowel
Georg Steinhowel
Hans Steinhowel-Steinheil — “bei dem H.Grafen Johann Reinhardt I zu Hanau Lichtenberg, Oberjager und Fackenmeister, geboren zu Weinberg im Nieder-Elsass 1550, starb zu Buchswieler in januar 1607, 57 lahre alt, war Ewangel. Rehigion. Uxor: Sybilla Rohrrichin, Wendelin Rohrrichs, Arztes zu Buchswieler Tochter, geboren an 2” Pfingstag 1540, gestorben d.20 Juli 1631—1691 Jahre alt»
Georg Engelhardt Steinheil — “Hochgraflich Hanau Lichtenbergscher Rath, geboren zu Bogenhausen in der Grafschaft Hanau d. 29 septbr 1578 und wurde von jugend aut zum Studio Jurns angehalten, worin er auch einen gelehren Grad erlangte. Nach Absolvirung seiner Studien kam er schon 1597, mithin im 19 jahre seines Alters in Hanau Lichtenbersche Dienste und wurde spater zum wirkachen Rathe ernannt. Nachdem er 54 jahre gedient, stab er d. 5—1 Septbr 1631 zu Buchswieler, 73 jahre alt. Uxor: Barbara, Johann Fuchsubers, geboren 1580, verheir.1604. gestorben 1631”
Georg Albrecht — “Hochgrafl, Nassau Liechtenbergscher Regierugsrath, gebor, zu Buchswieler d. 11 Febr. 1621, musste 1637, bei damaligen beschwerlichen Kriegslaufler mit seinen Eltern ins Exil nach Strassburg wandern, wo er jura studirte,1641 im 21-t jahre seines Alters kam er in Grafl, Hanau Lichtenbergsche Dienste, wurde nach dem Tode seines Vaters, als desser Nachfolger 1651, Lichtenbergscher Cameral-Secretair, 1664 wirklicher Ltath und 1670 an der damaligen, dti der Minderjahrigkeit des Grafen Ghelepp Reinhardts bestelghewesenen Hanauischen Vormundschaft und Administration zum vormundschaftlichen Kammerrath und Amtmeisier befördert. Endlich wurde er wirtlicher Regierungsrath der Grafschaft Hanau Lichtenberg und starb 1696 im 75 jahre seines Alters, nachdem er 55 jahre dem Hause Hanau treu gedient. Uxores: 1 — Margaretha, Balthasar Scheidens, Assessors des Polizeigerichts zu Strassburg Tochter, verheir, 1652, gestorb, 1673. 2 — Anna Maria, M. Gregorii Vegelins General Superintendenten von Augsburg Tochter, gestorb 1702”

Johann Wilhelm — “Königlich Polnischer und Chursächsischer Rath und an dem Frankischen und Ober-Rheinischen Kreise accreditirter Minister, auch Resident zu Frankfurt am Mayn. Geboren zu Buchswieler d.23 Septbr 1663... Er starb zu Frankfurt am Mayn d.20 October 1735 im 70-t Jahre seines Alters und ist nach seinem Tode das Gut Rauschenberg an den Hohenloheschen Kanzler von Bernegger verkauft worden. Uxores: 1 — Eva Margaretha, Daniel Friedrich von Raschke, Königlich Polnischen und Chursächsischen Ober Kriegs Commissairs, in dessen Hause er sich, wie oben gemeldet, einige Zeit aufgehalten, älteste Tochter, verheirathet zu Dresden 1694, starb zu Rauschenberg 1708. 2 — Anna Sabina-Wolfgang Christoph Rathels, Hochfürstl. Brandenburgischen Culmbach Kirchenrath und Superintendenten zu Neustact an der Tochter, 1710, gestorben zu Gold Cronach bei Bayreuth, wo sie als Wittwe lebte, 1748”

Johann Wilhelm — “Russisch Kaiserlicher Obrist, geboren auf dem Gute Rauschenberg in Franken d. 23 Februat 1714, war nach vorher gehabten Priwat Informationen 1727 auf das Gymnasium illustre zu Bayreuth geschickt, allwo er bis 1730 verblieb und darauf, der Studiis juris wegen, die Universitat Altdort besuchte. Von da Begab er sich zuruck zu seinem Vater und assistirte demselben in seinen Geschalten, da er inmittelst von dem regierenden Grafen Albrecht Wolfgang von der Lippe Schaumburg Bingenburg zu dessen Rath ernannt ward und zu Frankfurt am Mayn sich aufhielt. Als 1735 sein Vater daselbst verstorben, verliess er seine Station und folgte den damals am Rhein gestandenen Russisch Kaiserlichen Generalfeldzeugmeister Lasey unter Begleitung hoher Recommendationschreiben als Volontair nach Russland, wo er dann bald eint Fahne bekam und 1736 der Belagerung von Asow beiwohnte. Nach Eroberung dieser Festung wurde er von General Lasey aus eidner Bewegung zum Stabs-Secretair der ausländischen Expedition declarirt, wodurch er Capitain Lieutenants Rang erhielt und in solcher Eigenschaft dem Fedzuge in der Krimmschen Tartarei 1737 beiwohnte. 1738 und 1739 machte er, da er die Feder wieder niedergelegt, als wirklicyer Hauptauch als ältester Hauptmann 1739 das Commando über die Grenadiere seines Regiments, worauf er 1740 nach hergestellten Frieden mit den Turken und Tartaren Permission nahm die Seinigen in Deutschland zu besuchen, wie er denn auch unvermuthet bei seiner Mutter erschien. 1741 reiste er wieder nach Russland zurzck, fiel aber nach der Batalle bei Wilmanstand wider die Schweden, dei welcher er als majorisirender Hauptmann muhsame Dienste zu thun hatte, in eine uberaus heftige hitzige Krankheit, die ihm lange am Leib und Gemuth ungemein zusetzte. Er wurde sodann, auf den Rath der Aerzte, die Luft zu verandern, 1742 von seinem Bruder Friedrich Jacob nach Deutschland und zwar nach Bayreuth gebracht, allwo er durch den Gebrauch des Eger Sauerbrunnen sich vollkommen erholte und sodann d.5 april 1743 von dem

regierenden Markgrafen Friedrich zu Bayreuth zum Assessor des dasigen Land-schaftlichen Rath's Collegii, mit dem besondern Auftrag das Militair er solche Di-enste wiederum, kehrte nach Russland zuruck und fand allda seine Compagnie noch unvergeben, die er dann sogleich wieder antrat und bald darauf sich vorthheil-hatt vrheirathete, indem die Mademoiselle de Cramer, welche ehemdem bei der Kaiserin Catharina in Grosse Gnade hoher Bedeutung und Ansehen stand, als seiner Frauen Tante von ihrem grossen Vermogen worunter in specie das Rittergut Pastfer zwischen Reval und Narwa begriffen, seiner Ebegemahlin mittelst einer im Gouvernemen-t hinterlegten Disposition zu ihrer Erbin ernannte, worauf er 1748 zum Kaiserlichen Obristwachtmeister ermannt wurde, bald aber um seine okono-mischen Verhaltnisse besser besorgen zu konnen den Militairdienst vollig verliess. Sollte 1757 bei dem ausgebrochenen Kriege mit Preussen wieder und zwar als Obrist Dienste nehmen, war aber die okonomischen Umstände nicht gestatteteten. Im jahre 1777 wurden er und sein Bruder Friedrich Jacob von dem Oestreichischen Kaiser Joseph II in den Reichsfrei und Pannerherrnstand des romischen Reichs erhoben und daruber ein Diplom fur ihre Person und ihre Descendenz ausgefertigt Er starb 1801. Uxor : **Gertruta Catharina Cramer**, Laurentii Cramers, vornehmen Negotianten in Narwa Tochter, vtrmahlt 21 (odt-t-?) Novbr 1745". **Иоанн-Вильгельм**, российской службы полковник, помещик мызы **Пастфер**, фамилия фон Штейнгель принят в 1818 г. в Эстляндскую родословную книгу

Heinrich Ludwig Magnus — “goren d. 5 juni 1763, gest. 1847 od. 1848. Roniglich sachsischer Lieutenant. Vermahlt mit **Charlotte Jacobine von Steinheil**, 1800, Tochter des Lieutenants”

владелец имения **Пастфера и Ваймастфера**

Friedrich Jacob

I-----I

Граф Фабиан Готард Штейнгель
(**Фаддей Федорович**) (1762—1831)

ж. — Наталия Николаевна Энгельгардт

I

Елена, в замужестве за Александром Христиановичем Стевен (1783—1842), которому в 1824 г. были Высочайше дарованы титул и герб его тестя с наименованием Стевен-Штейнгель

Иоганн Готфрид фон Штейнгель
(1750—1804)

ж. — Варвара Марковна Разумова

I

Владимир (1783—1862)
1 ж. — П.П. Вонифатьева (1791—1862)
2 ж. — Л.П. Анжу
3 ж. — Петрова

Wilhelm Friedrich Carl — “geboren d.19-t juni 1801. Vermahlt mit **Pauline von Schilling**, Tochter des Mannrichters Fabian von Schilling im jahre 1823, gestorb. 26 juli 1878”, помещик мызы **Куй**.

Herrmann Rudolph — “geb.d.5 juni 1841,vermahlt mit Frl. Marie v Kamenski, gest. 1890. Er starb d.20 November 1892”			
Wladimir (1872–1927) 1 Ehe: W. Trubetzkoj, 2 Ehe: M. Kreidl			
Peter von Steinheil			
Liudmila (1923–2004) von Steinheil, verm. S.S. Ragosin (1921–2005)			
I-----I-----I-----I-----I			
Sergei (1954)	Peter (1957)	Nikolai (1963)	Nathalia (1959)
v: Aude Burin des v: Barbara de Seynes v: Isabelle de Courreges d’ Agnos v: J.Y. Allizan			
Roziars			
I-----I I I-----I I			
Anastassia	Evenia	Alexandre	Igor Alexandra Peter
I-----I I I-----I I-----I-----I «I I			
Евгений Катерина Татьяна Орион Илан Сара Марион Самуил Дмитрий Тимофей			
(1981)	(1987)	(1973)	(1980) (1984) (1986)
(Соколовы)		(Рагозины)	

В Отечественной войне отличился Фабиан Готард (Фаддей Федорович) фон Штейнгель (1762–1831) — генерал от инфантерии (1819), участник Наполеоновских войн, генерал-губернатор Финляндии (1810–1823), почетный член Петербургской Академии наук картограф, специалист по минералогии. Портрет Ф.Ф. Штейнгеля работы мастерской Джорджа Доу находится в Военной галерее Зимнего дворца.

В 14 лет Штейнгель был записан колонновожатым в Генеральный штаб, затем в сентябре 1777 г. его произвели в адъютанты Вологодского пехотного полка; в ноябре 1782 г. он — прапорщик, а в феврале 1785 г. — переведен в чине подпоручика в Сухопутный шляхетский кадетский корпус, получает чин поручика, затем — капитана. В конце мая 1788 г. между Швецией и Россией начинается война. За отличия в сражениях и успешное исполнение различных поручений при Генеральном штабе Финляндской армии в 1789 г. он был пожалован в подполковники и награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. В 1791–1792 гг. Ф.Ф. Штейнгель служил под командованием генерал-аншефа А.В. Суворова (1730–1800), занимавшегося в Финляндии укреплением границ со шведами. За добросовестную работу Суворов исходатайствовал Штейнгелю в награду золотую табакерку с бриллиантами. В 1794 г. Екатерина II дарит ему земли Саарела, расположенные в 8 км от Выборга. Усадьба Саарела была в собственности Штейнгеля до самой его смерти. Вместе с Саарела Штейнгель управлял также землями

Барон Фабиан Готард (Фаддей Федорович) Штейнгель (1762–1831)

Баронесса Л.П. Штейнгель (1834–1897)

Юливеси, Ихантала, Репола и Суурперо. Жена Штейнгеля — Наталия, урожденная фон Энгельгардт. Ее мать Хелена была из семьи Векрот. При Павле I Штейнгель был переведен в 1797 г. в свиту Его Императорского Величества и произведен в полковники, а в 1798 г. — в генерал-майоры и награжден орденом Св. Анны 2-й ст. Фаддей Федорович принимает участие в Пултуском сражении в Польше, за что награждается орденом Св. Владимира 3-й ст. и Прусским орденом Красного Орла 1-й ст. При сражении под Прейсиш-Эйлау 8 апреля 1807 г. Штейнгель под сильным огнем неприятеля строит батареи, за это деяние Штейнгель награждается Георгиевским крестом 3-го кл. В Фридландской битве получил контузию в голову и 30 августа 1807 г. произведен в генерал-лейтенанты. Летом 1809 г. Штейнгель после заключения со шведами мира становится главнокомандующим Финляндской армией. В 1812 г. в результате переговоров императора Александра I со шведским наследным принцем в Або Россия приняла решение отправить морем часть войск в Ревель и освободить Ригу от осады французских войск. Следующей целью было последовать за неприятелем за Неман, где надлежало встретить остатки корпуса

генерала Сен-Сира, вытесненного из Полоцка, далее финляндский корпус Штейнгеля должен был расположиться при Вильне. Удачные операции Финляндского корпуса в тылу врага помогли русским войскам взять Полоцк. Штейнгель был награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». В сражениях при Малоярославце и Кубличах Финляндский корпус Штейнгеля отрезал Баварский корпус Наполеоновской армии и заставил его отступить. Трофеями этой победы стали 22 знамени Баварского корпуса и 8 пушек. За эту операцию Штейнгель был награжден Александровской лентой. В начале ноября русские войска под командованием Витгенштейна и Штейнгеля были атакованы при Смольне французами. Удачно отбив все атаки, Штейнгель двинулся к Березине для встречи с отрезанной дивизией наполеоновского генерала Партуно, взяв в плен Партуно и всю его дивизию, он пошел громить врага через Вильну на берега Вислы. 1 января 1819 г. был произведен в генералы от инфантерии с оставлением в свите государя по квартирмейстерской части. В 1823 г. Штейнгель выходит в отставку и поселяется в Финляндии, где живет в Гельсингфорсе и в своих выборгских владениях — усадьба Саарела была одной из лучших в Выборге и на перешейке. Фаддей Штейнгель скончался в Гельсингфорсе (Хельсинки) 7 марта 1831 г. от водянки в возрасте 68 лет. Высочайшим указом 1812 г. финляндский генерал-губернатор и главнокомандующий войсками в Финляндии, генерал-лейтенант барон Фабиан, сын Фридриха-Якова Штейнгеля, был возведен в графское достоинство Великого княжества Финляндского. Его единственная дочь вышла замуж за Александра Христиановича Стевена (1783—1842), которому в 1824 г. были Высочайше дарованы титул и герб его тестя с наименованием Стевен-Штейнгель³.

В.И. Штейнгель — сын эмигранта из немецкого княжества Аншпах-Байрейт, капитан-исправника русской службы с 1772 г. барона Иоганна Готфрида фон Штейнгеля (1744—1804). Дед Владимира Ивановича — барон Филипп Фридрих фон Штейнгель — был министром Аншпах-Байрейтского маркграфства, сыном Йоханна Вильгельма фон Штейнгеля, саксонского министра. Мать Владимира Ивановича — дочь русского купца Разумова Варвара Марковна.

Барон воспитывался в Морском кадетском корпусе с 14 августа 1792 г. Произведен в гардемарины 9 мая 1795 г. Пожалован мичманом с определением в Балтийский флот 18 мая 1799 г. В 1799—1800 гг. был в эскадре контр-адмирала П.В. Чичагова у берегов Англии и Голландии в секретной экспедиции, в которой принимали участие и будущие

Барон Владимир Иванович Штейнгель (1783–1862)

Барон Вячеслав Владимирович Штейнгель (1823–1897)

Родословная рода барона В.И. Штейнгеля⁴

Яган-Готфрид, сын министра Ансбах-Байрейтского маркграфства. Получил образование в Лейпцигском университете. С 1772 г. на русской службе, с 1773 г. на службе в Сибири. В 1776–1777 гг. на службе в Малороссии, поступил в Кинбурнский драгунский полк в чине подпоручика. В 1782 г. в чине поручика был определен при открытии Пермского наместничества в город Обву капитан-исправником, а затем получил должность городничего. Рескриптом за Высочайшим подписанием от 22 мая 1803 г. за службу его в Нижне-Камчатске Земским комиссаром наименован коллежским асессором и во всех документах показан бароном

Владимир состоит в чине подполковника, по определению Московского дворянского депутатского собрания 12 ноября 1815 г. внесен с детьми в Дворянскую родословную книгу Московского губернии, в 4 ч.

I-----I-----I-----I-----I-----I-----I-----I

Вячеслав Ростислав Всеволод Николай Владимир Юлия Надежда Людмила

адмиралы В.М. Головин (1776–1831) и П.И. Рикорд (1776–1855). Воспоминания об адмирале П.И. Рикорде Штейнгель опубликовал в журнале «Морской сборник» в 1856 г. В 1802 г. Штейнгель команди-

рован в Охотский порт и, командуя транспортами, плавал в 1803—1806 гг. в Охотском море. 11 января 1807 г. произведен в лейтенанты и назначен командиром Иркутской морской команды. В 1809 г. обозревал реки Нерчинского края вплоть до Амура. Назначен чиновником по особым поручениям при сибирском генерал-губернаторе И.Б. Пестеле и командирован в Иркутск 14 февраля 1810 г. «За болезнью» уволен со службы капитан-лейтенантом 14 декабря 1810 г. Зачислен в 4-ю дружину Петербургского ополчения 3 августа 1812 г., участник боев под Полоцком, где награжден орденом Анны 2-й ст., за храбрость в сражении под Чашниками награжден орденом Владимира 4-й ст. с бантом, в делах при реке Березине награжден орденом Св. Владимира 4-й ст. Назначен адъютантом к генералу от кавалерии московскому главнокомандующему А.П. Тормасову 24 сентября 1814 г. За отличие в службе пожалован подполковником 30 августа 1816 г. Уволен со службы для определения к статским делам 4 декабря 1819 г., служил у частных лиц в Тульской губернии, Астрахани, в 1821 г. собирался открыть в Москве пансион для юношества, с осени 1821 г. служил у поставщика армии В.В. Варгина.

В 1823 г. Штейнгель познакомился с Рылеевым и узнал от него о существовании тайного общества, цель которого — в том, чтобы принудить государя принять конституцию. Рылеев дал Штейнгелю рекомендательное письмо к И.И. Пущину, жившему в Москве, и тот сообщил ему проект конституции, составленный Никитой Муравьевым. Осенью 1825 г. Штейнгель вновь приехал в Петербург для определения трех сыновей в учебные заведения. После получения известия о смерти императора Александра 27 ноября стал часто бывать у Рылеева. В беседе с Рылеевым Штейнгель высказал мысль, что всего легче было бы добиться конституции, возведя на престол императрицу Елизавету Алексеевну.

На Сенатской площади 14 декабря Штейнгель был некоторое время в числе зрителей. На допросе барона Розена следственная комиссия вела протокол: «Чтобы и людей отговорить от присяги и вывести их на площадь 14 декабря, когда полковой командир прочел Манифест и отречение, барон Розен присягнул вместе с полком, потом во втором часу отправился во дворец, но, увидав на площади войско со знаменами, вошел в каре Московского полка; солдаты кричали: “Ура, Константин!” Возвратившись тотчас в свой полк, сказал об этом полковнику Тулубьеву, присовокупив: “Все идут к площади, и нам должно туда же идти”. Розен первым вбежал на двор. Когда на мосту были

Граф Е.Ф. Комаровский

Генерал-майор В.М. Головнин

выстроены взводы и приказано, зарядив ружья, идти вперед, тогда взвод барона Розена закричал: “Стой!” Видя, что убеждения **генерал-майора Головнина (В.М. Головнина)** и **графа Комаровского** остались тщетными, а между тем проходивший народ говорил людям, что все кричат: “Ура, Константин!”, барон Розен не находил ничего более сделать, как удерживать взвод свой в порядке, чтобы стояли на одном месте.

После пушечных выстрелов он поставил взвод к манежу 1-го кадетского корпуса; вскоре подъехал генерал-адъютант Бенкендорф, изъяснил людям их заблуждение, они единодушно вразумились, взвод присягнул, и барон Розен был послан в караул»⁵.

16 или 17 декабря Штейнгель присягнул государю, 20-го выехал в Москву, а 3 января 1826 г. был арестован и привезен прямо во дворец. После допроса у генерал-адъютанта Левашова его отвели к государю. «Штейнгель, и ты тут?» — сказал император Николай. — «Я только был знаком с Рылеевым», — отвечал Штейнгель. «Как, ты родня графу Штейнгелю?» (финляндскому генерал-губернатору). — «Племянник его, и ни мыслями, ни чувствами не участвовал в революционных замыслах, и мог ли участвовать, имея кучу детей!» — «Дети ничего не значат, — прервал государь, — твои дети будут мои дети!» (трое детей Штейнгеля были уже определены в казенные учебные

заведения). 6 января 1826 г. барон был доставлен в Петропавловскую крепость и написал письмо Николаю I с изложением своих взглядов:

«Августейший Монарх! Всемиловитейший Государь! Из мрачной темницы моей, возносясь духом любви к Отечеству, духом верноподданнического к Вашему Императорскому Величеству усердия припадаю к священным стопам вашим. Умоляю В.В. благом многих миллионов людей, коим Вы нареклись отцом, умоляю собственную Вашей славою и самую безопасностью, удостойтесь прочесть все нижеследующее до последней строки прежде, нежели произнесете страшный суд о свойстве и самой цели настоящего моего письма. Дерзаю представить обнаженную истину, она должна быть доступна престолу мудрого Монарха, восприявшего бразды правления с намерением жить для общества. В Высочайшем Манифесте о восшествии Вашего на престол, как бы в утешение народу сказано, что Ваше царствование будет продолжением предыдущего. О, Государь! Ужели скрыто от Вас, что эта самая мысль страшила всех и что одна только уверенность общая в непременной перемене порядка вещей говорила в пользу цесаревича. Истина, не подтвержденная ни малейшему возражению, что в Бозе почивающий монарх обладал в совершенстве привлекать к себе сердца всех тех, кои имели счастье с ним встретиться, и что его поведение в звании наследника, Его действия и намерения в начале царствования, твердость Его при всеобщем бедствии 1812 г., Его кротость в блеске последовавшей за тем славы, человеколюбие Его во время последнего наводнения, равно как и многие другие, известные свету и народу в особенности случаи, в коих Он явил высокие свойства души своей, сделали особу Его любезною и свяленною для Россиян современников. Но по нестижимому для нас противоречию, которое к изумлению грядущих веков, может быть, объяснит одна только беспристрастная история, царствование Его, если результат под сим словом правление, было во многих отношениях для России пагубно, под конец же тягостно для всех состояний, даже до последнего изнеможения. Противоречие сие поставило средний и низший классы в недоумение, Государь всюду являлся Ангелом и сопровождался радостными восклицаниями, но в то же время от распоряжений Правительства, именем Его, разливалось повсюду неудовольствие и ропот. Народ приписывал сие лицам, то Сперанскому, то Гурьеву, то Аракчееву, и вообще думал: “Министры обманывают доброго нашего Государя, где ему, батюшке, все знать”. Но те, которые просвещенные, смотрели и рассуждали иначе, результат общий: Государь, встреченный на

Престолу со всеобщим, беспримерным восторгом, сопровождается в гроб едва ли всеобщим равнодушием. О, Государь! Если это с моей стороны дерзновение, то в совести моей вопиющий глас убеждает меня, что оно в миллион раз полезнее Вашему Величеству моему Всемиловитейшему монарху, нежели та лесть, которая если возносит владык земных до небес, то это для того только, чтобы они не видели, что по управляемой им земле делается. Не смею без особого соизволения изобразить Вашему Величеству исторический порядок всего хода дела в последнее царствование, но цель, меня одушевляющая, заставляет меня сказать, хотя ту только истину, что Правительство отличалось непостоянством, и в управлении Государством не было никакого положительного плана. Сначала был период мистицизма, наконец противных мнений тому и другому. Вначале всему дано новое направление учреждением министерств. Через шесть лет разряд министров изменился: с учреждением Совета в новом его преобразовании издано Министерство полиции. Сила министров уступила силе государственного секретаря. Министерство коммерции уничтожено. Отсутствие Государя дало повод к учреждению Комитета господ министров, а за тем смерть Вязьмитинова произвела новую перемену в разряде министров. Министерство полиции уничтожено, сделано вновь Министерство духовных дел в соединении с просвещением, но и то на несколько лет. При первых министрах много начато полезного, по крайней мере обнаружено намерение готовить государство к восприятию конституционных начал. После Тильзитского мира, прибытия Коленкура к двору и вышеупомянутая перемена в министерствах пресекла деятельность правительства, оно до самого 1812 г., видимо, тяготилось приготовленным деспотизмом Наполеона. Влияние Сперанского на деле ознаменовалось учреждением Комиссии погашения долгов, началом изобретения новых налогов, обложением купцов, усугубленною податью с капиталов, установлением торговых книг, учреждением о торгующих крестьянах, которым подорван кредит внутренней торговли, а новым образованием комиссии составления законов, которая до сих пор издала Гражданское и Уголовное уложения, и оба не могли быть приведены в действие. В 1810–1811 гг. приметно уже было неудовольствие против правительства. Указ 1819 г. о непроизведении в чин гражданских чиновников 9-х классов, которым многие заслуженные и опытные люди оскорблены были, много развивал это неудовольствие. 1812 г. соединил всех к одной цели — защита Отечества и престола. Настал ожидаемый мир! Монарх,

от всех благословляемый, возвратился к всеобщей радости. Все ожидали эпоху, от которой начнется внутреннее благоустройство. Ожидание не сбылось. Роздано несколько миллионов Москве, Смоленску и части некоторым другим городам сих губерний, но сим пособием не столько воспользовались совершенно разоренные, сколько имущие, ибо оно раздавалось в виде ссуды под залог недвижимости. Если Москва, так сказать, стрясла пепел с головы своей в новом селении, то не столько помогла тому сия помощь, сколько состояние внутренней коммерции и промышленности, оживотворенных тарифом 1810 г., который издан был при увещательном манифесте, чтобы все обращали капитал свой не в пользу чужеземной роскоши, но в пользу Отечества. Внезапно сей самый тариф изменен в пользу Австрии и Пруссии, изданием нового тарифа на 12 лет, коммерсанты могли по крайней мере располагать свои спекуляции на сие Императорское словом определенное время, но в этом ошиблись, в 1812 г. последовало новое всеобщее разрешение ввоза иностранных товаров, коими вскоре наводнили Россию. Многие купцы обанкротились, фабриканты в конец разорились, народ чрез то лишился способов к пропитанию и уплачиванию податей. Вскоре увидели ошибку, исправили ее новым тарифом 1823 г., но причиненный вред не возвращен. Значительные суммы серебра и золота, вошедшие чрез Одесский порт, при выгодной хлебной торговле 1815—1817 гг. исчезли мгновенно и не возвращались. Наконец последовало новое дополнительное постановление о гильдиях, за всем тем местные начальства принуждены были представлять о невозможности его выполнить, ибо у бедных мещан и особенно у жителей малых городов отнят последний способ к пропитанию. Таким образом, коммерция наша находится в паралитическом состоянии, тогда как у всех народов преуспевает и расцветает, особенно во Франции, которая в 1815 г. была едва ли не в худшем состоянии, нежели Россия. К крайнему изумлению всех, действия Министерства финансов в последние десять лет были, можно сказать, ужасные. В 1814 г. правительство убедило откупщиков винных, при главном посредстве Гурьева и Пестеля, сделать важную наддачу. Естественным сего следствием была несостоятельность, и они разорились вконец, особенно Злобин, оказавший многие услуги Отечеству, и Перец. В преследовании сих откупщиков и потом поставщиков провиантских были случаи, что они представляли к расчету свои на казну претензии, но министр предписывал с них взыскивать, а им предоставить выдаваться особо! Распоряжение, имеющее характер полного наси-

лия и несправедливости. С откупщиками многие разорились. Уничтожив откупа, Министерство финансов ввело новый образ винной продажи, источник чрезмерно губительного народного разврата и разорения, нарушены некоторые коренные права, уничтожено звание вице-губернаторов, дотоле весьма почетное: явлен пример соблазна для чиновников, ибо способ наживаться стали предпочитать понятиям о чести, и те, кои при начале считали за унижение надзирать за питейными домами, увидев, что на сих людей обращается внимание министра и вместе с обогащением даются чины и кресты, стали искателями сего рода службы. Размножены повсюду трактиры, герберы, харчевни, портерные лавочки и питейные дома, временные выставки, из коих некоторые с билльярдами, музыкою и другими разными для черни приманками. Возвышена на вино цена, для продавцов стеснительные и разорительные правила, за те злоупотребления устранены от надзора полиции. Вице-губернаторам даны предписания стараться как можно о большей распродаже вина под опасением ответственности. С такими мерами первые года принесли точно прибыль, но вскоре оказалось, что она была временная, ибо в последние годы недобиралось уже многих миллионов. Когда так, с одной стороны, народ поощряли проливать потовым трудом наживаемые деньги, с другой — умножение податей с паспортов, возвышена цена на первую потребность — соль — и приняты строжайшие меры к взысканию недоимок, предписано за недоимку помещиков отдавать в опеку, а с казенных крестьян взыскивать хотя бы то было, с пожертвованием последнего имущества. Начали с них продавать домашний скот, лошадей и самые дома, а как с таких уже обобранных взять нечего, то за неимущих взыскивать с общества. В некоторых губерниях выбить, выколотить недоимки сделалось техническим словом. Между тем в одних губерниях, как то Белорусской, Тверской, Псковской, Вологодской и Ярославской, по несколько лет был неурожай, помещики не получали дохода и кормили крестьян. В других, напротив, хлеб был нипочем от неимения сбыта, и деревни тоже не давали дохода. Обстоятельства сии уподобляют Россию тому состоянию, в котором была Франция во время Генриха III, когда сборщики податей обирали последнее у землевладельцев. О, Государь! Извольте послать доверенную особу инкогнито в виде частного человека, и вы откроете, может быть, гораздо горестнее положение народа, нежели каковым я его представляю. Беспрестанные выгоны крестьян на дороги в рабочую пору довершали их разоренье, и притом от частых перемен в плате и от непрочной

работы повинность сия сделалась бесконечна, между тем как в академическом календаре в хронологическом показании печатается: “От издания манифеста, коим народ освобождается от делания дорог, столько-то лет”. Умножая доход крайними мерами, хотя три года тому назад сделано сокращение расходов по всем министерствам, сколько еще есть предметов, на которые делаются напрасные издержки! Сколько чиновников, едва имеющих занятие, получают большие оклады в двух или трех местах! Сколько также получают пансионеры! По одному комиссариату расходуются до трех миллионов на одни чиновники, веревки и вообще на упаковку и развозку вещей от комиссии до мест пребывания полков, тогда как одним распоряжением в рассуждении сей доставки можно было бы сей расход уничтожить. По флоту такая же экономия: по Адмиралтейскому регламенту Петра Великого, едва корабль заложится на стапеле, должно раздавать по всем мастерством пропорции, дабы ко дню спуска все принадлежности к вооружению онаго были в готовности. Во все министерство маркиза де Траверсе сего не наблюдалось, корабли ежегодно строились, отводились в Кронштадт и нередко гнили, не сделали ни одной кампании, а теперь более четырех или пяти кораблей, который нельзя вывести в море, ибо мачты для сего переставляют с одного корабля на другой, прочие, хотя число их немалое, не имеют вооружения. И так переводится последний лес, тратятся деньги, и флота нет! Но в царствование блаженной памяти родителя Вашего в 1797 г. выходило 27 кораблей, всем снабженных, а в 1801 г. готовилось 45 вымпелов! Можно сказать, что прекрасное творение Великого Петра маркиз де Траверсе уничтожил совершенно. Теперь на случай войны не кого и не с чем выслать в море, кроме вновь принятого Синявина и контр-адмирала Рожного, — ни одного адмирала, несколько капитанов и весьма немного офицеров из тех, кои были в экспедициях. Между тем как у соседнего государства сия часть в совершенной исправности всегда и теперь существует. По части управления губерний во всех 25 лет не сделано ничего особенного к улучшению, едва в 1822 г. дозволено генерал-губернатору Балашову произвести опыт преобразования. Начатый без сведения Сената, опыт сей принимался обывателями с негодованием на новые тяготы и на умножение инстанций, а о пользе, какая из того произойти может, никто еще не говорил. Подобным образом жалуются на преобразование Сибири, где в обширном, но весьма малонаселенном крае, в котором приличнее было бы сокращать администратцию, прибавлена лишняя губерния и дан образ управления

совещательно-аристократический, не свойственный монархическому. К сему присовокупить должно и недостатки в судопроизводстве вообще: бесконечное продолжение тяжёбных дел с апелляциями и обращения паки в низшие инстанции, неправосудие и повсеместное злоупотребление, последнее было строго преследовано, но от полу-мер осталось неисцеленным: посылаемые сенаторы производили исследования, тысячами бедных чиновников отдавали под суд и определяли новых, а те принимались за то же, только смелее, ибо обыкновенно поступали на места с протекциею. Сколько и теперь есть губернаторов, состоящих под бесконечным судом! В царствовании великой бабки Вашей, Государь, была по всем частям наблюдаема подготовка людей, столь много полезная, чиновники, хотя медленно, но доходили от низших степеней до высших, каждый по своей части, отчего были опытные дельцы. В предшествование Вашему царствованию сего вовсе не наблюдалось: всякий при министре служащий или нашедший покровительство ко всему считался годным. Так и дела шли. Известно, что Великая Екатерина с полковничьего чина начинала обращать особенное на людей внимание, и те, кои не имели отличных дарований и способностей, не шли далее бригадиров в отставку. В последнее же время всякому продолжающему службу, особенно военную, дорога к высшим степеням сделалась отверстою. В одной губернии был губернатор, выслужившийся фельдфебель, и в губернии он поступал как в роте! Не мог, конечно, был терпим, но жители губернии не менее от того терпели. Вообще гражданская часть, сей краеугольный камень в здании государственного благоденствия, была в некоторой как бы опале. Государь блаженной памяти изволил видеть зло, не считая его неисцелимым, ограничивался тем, что не скрывал своего отвращения. Энгельгардт, имевший счастье разговаривать часто с государем, сказывал мне, что однажды, при случае, когда Его Величество любовался устройством войск, он осмелился заметить, что время принятая за устройство гражданской части, но государь, взяв его за руку и крепко пожав со слезящимися глазами, произнес: “Ах, я это очень-очень чувствую! Но ты видишь, с кем я возьмусь”. Если это истинно, что за благоустройство в государстве монарху не с кем взяться, посудите, всемилоостивейший государь, в каком несчастнейшем положении наше любезнейшее Отечество, коего судьба воспринята Вами на рамена свои. Вашему гению предлежит подобное Петру и Екатерине, найти людей, вложить в них душу и сделать сопричастниками будущей нашей славы, да придет она до позднейше-

го потомства. Насильственная система так называемого водворения военного поселения принята была с изумлением и ропотом, как то и Вашему Величеству должно быть весьма известно. И не могло быть иначе. После отечественной войны, в которой все состояния, участвуя, оказали равную верность и усердие Отечеству и престолу, когда всякий ожидает в мире вожделенного спокойствия, внезапно войти в селение военною рукою, взять дома мирных земледельцев, самими ими нажатое, да и их в общий состав нового воинства — едва ли история представляет что-либо подобное. К сему присовокупить вынужденную уступку и покупку соседних земель и поместий, ибо одна несправедливость, естественно, рождает другую. Возникли, с одной стороны, отчаянное сопротивление, особенно на юге, с другой стороны, меры укрощения. Всей России сделались известны сцены, которых никто не мог полагать возможными, в царствование государя, столь кроткого и человеколюбивого. Общее негодование разрешалось одним лицом — господином Аракчевым, оно во всех подобных действиях служило экраном для монарха. Цель поселения объявлена после — освобождение России от тяжкой рекрутской повинности. Осмеливаюсь, государь, представить, что уменьшение срока службы по примеру Пруссии от 8 до 12 лет удовлетворило бы сей цели справедливые, прозрачные и безопасные, ибо тогда во всей России в 25 лет разлился бы дух военный, и крестьяне столь же легко стали бы расставаться с детьми, а теперя они сами везут их как на смерть. Возвратившиеся в семейство могли бы жениться, заниматься крестьянским бытом и, наживая детей, воспитывали бы их заранее быть солдатами — сами же были бы готовые ландверы. Мысль о поселении войск неновая. Бургард Миних представил императрице Анна Иоанновне о заселении границ турецких, польских и шведских войсками с тем, чтобы они приучались к тому роду войны, который с ними неприятелями приличен. Поселение на границах может быть действительно оплотом, но внутри государства другие следствия возможны. Три разных мнения о сем иностранцев, известен краткий отзыв Веллингтона, я слышал его из уст графа Ростопчина: “Видно, что Русское правительство не боится штыков!” По сим кратким очеркам действий правительства в отношении хозяйственного управления и настоящего положения дел в государстве следующие черты представляются в характеристиках правления. Правительство считало все прежнее худым, много начинало вновь, отменяло и вообще ничего не закончило, растратив все. Правительство отделяло себя от государства и, казалось,

верило, что может быть богато и сильно, хотя все сословия государственных и особенно народа в изнеможении. Правительство имело, кажется, правилом: что развратным и бедным народом легче управлять, чем имеющим гражданские добродетели и в довольствии живущим. А потому не прислушивалось к народному мнению и не входило в его нужды, повелевало и требовало безусловного повиновения, хотя бы от того все разорилось. В сем отношении правительство дозволило даже себе спекуляцию: последняя распродажа рекрутских квитанций — разительный тому пример. Должно ли после того удивляться, что правительство потеряло доверенность и сердечное уважение, а возбудило единодушное, общее желание перемены в порядке вещей. Всемилостивейший государь! Раскрыв перед взором Вашим, по крайнему моему разумению, причины неудовольствия противу правительства, я осмеливаюсь приступить к настоящей моей цели — представить истинный источник обнаружившегося при восшествии Вашем на престол злоумышления. Деятельное Просвещение в России началось при Екатерине Великой. Один честный человек, Новиков, с обществом своим старавшийся о распространении чтения полезных книг и для сего имевший свою типографию, сделал едва ли не более, чем все училища. Молодые люди с талантами посылались на счет общества вояжировать, и действительно многие обязаны стали ему последующею своею известностью. Открылась революция, масонские ложи сделались подозрительными, и Новиков пострадал. Блаженной памяти Августейший Родитель Ваш даровал ему и сотоварищам его свободу. Из сего рассадника люди первые явились на сцену, когда при начале царствования умершего Государя открылись вожделенные намерения Его просветить Россию и уничтожить в ней рабское состояние. При учреждении министерств взяты быстрые меры к распространению образования, учреждены новые университеты, умножены училища, преобразованы гимназии, ослаблена цензура предоставлением оной гражданским губернаторам и управам благочиния в столице, поощрены переводы печатанием с Высочайшего позволения книг, дающих понятие о новых идеях относительно основания государственного блага. Так, напечатаны Конституция Англии Загольма, творения Монтескье, Бентана и др. С тем вместе появились: Пифагорово путешествие, Антенорово путешествие, Фонблаз и Кум Матвей, непосредственно развивающие другие понятия и развращающие нравы. При таком начале просвещения государь изволил прекратить раздачу крестьян в крепостное состояние. Незабвенный

рескрипт его к Его Королевскому Величеству герцогу Виртенбергскому по случаю утверждения аренды на 50 лет сделался известным всем. Потом открыло новое состояние свободных хлебопашцев, некоторые вельможи отпустили в оныя целые селения. Изданы указы поощрительные к отыскиванию из крепостного состояния свободы, несколько раз повторены, наконец составлены правила для перехода крестьян помещичьих в свободное состояние, в беспокойных губерниях повсюду опубликованы. Присоединение Псковской губернии к кругу из провинций подало повод к заключению, что на ней делается первый опыт приложения сих правил к великороссийским губерниям. Во время влияния на дела Сперанского для образования духовного юношества приняты новые правила. Учреждены новые духовные академии и комитеты училищ, для преподавания курса богословия выписан был известный профессор Феллер из Германии, но по протесту программы его, поданному от архиепископа Феофилакта, допущен для преподавания не был. Но тем не менее новообразование духовенства восприняло уже дух, который виден был прежде. В последние годы методу учения паки переменяли на старую. Общее бедствие 1812 г. наклонило умы и сердца к набожности. Отселе начался период мистицизма. Началось издание Сионского вестника, удостоенного потом Высочайшей награды, явилось сочинение Штелинга, внушающего мысль о ненадобности духовенства и наружных обрядов церкви, потом перевод господ Попова, Детума и пр., из коих многие напечатаны на казенное иждивение и переводчики или издатели. Открылось Библейское общество. Магницкий при открытии отделения оного в Симбирске сказал весьма соблазнительную речь, и она была напечатана во всех публичных листках как образцовая, хотя имела вид тонкой сатиры, нежели истинной набожности. Библейские заседания представляли картину истинного толеранса. Издание Нового Завета, Евангелия, которые в мнении народа казались неприкосновенными, волнующими умы толками насчет несходства, так, например, в послании Карфагениям VII глава ст. 21 славянский текст говорит: “Раб ли призван был еси, да не нерадiti, на аще и может свободен быти, больше поработи себя”. Напротив русский: “Рабом ли ты призван, не беспокойся, но ежели можешь сделаться свободным, тем больше воспользуйся”. Чем ближе такой перевод к еврейскому тексту, тем не менее он подрывает народное доверие к одной из священнейших книг, читаемых в церквах, доверие, через два почти века неприкосновенное. Какой притом соблазн для раскольников! Между

тем, как все сие происходило, высшее заведение для образования юношества, Царскосельский лицей дал несколько выпусков, оказались таланты в словесности, но свободомышление, внушенное в высочайшей степени, поставило их в совершенную противоположность со всем тем, что они должны были встретить в своем Отечестве при вступлении в свет. Тот же самый дух разлит во всех, кто образовался в университетах, в Училище иезуитов и во всех других заведениях, кроме корпусов. Отличительные свойства вновь образованных людей с некоторым исключением суть: непризнание ничего святым, нетерпение подчиненности, скорое стремление к наслаждению жизнью, скучение всем и беспечность ко всему настоящему. Им кажется, что для их ума им тесно в России и нет ничего достойного их деятельности, потому многие, чтоб быть чем-нибудь, ищут только считаться при ком-нибудь. Должно ли после сего удивляться, что предприимчивость некоторых опытных людей захотела воспользоваться таким расположением умов и основать тайные общества, подобные прусским и германским. Существование масонских лож должноствовало еще более тому способствовать. Правительство не подозревало их. В 1816 г. 30 августа в Москве была открыта ложа с Высочайшего дозволения. Государь изволил Тормасову: “Я не даю явного позволения, но смотрю сквозь пальцы, опытом сознаю, что в них нет ничего вредного, и потому представляю на твою волю”. В речи своей на Варшавском сейме Государь изволил упомянуть, что готовит для России подобное состояние. Речь была напечатана в публичных листках и польстила надежды либералов. Внезапно происшествия в Испании и Пьемонте, с совершенным восстанием греков, произвели решительный перелом в намерении государя, как между тем воспламенились умы в мечтателях о свободе России. Греки оставлены своей судьбе, связь единоверия, восемь веков ненарушимо существовавшая, которой всегда страшилась Порта и опасалась Европа, вдруг разрушена. Греки в России и особенно в Москве находящиеся, шепотом произносили жалобу свою и сообщали знакомым о несправедливостях поступка с ними. Оттого радость при объявлении цесаревича императором была чрезвычайная. Они отыскивали медали, выбитые на рождение Его Высочества, с изображением церкви Св. Софии, видя уже себя обладателями Царьграда, и вдруг восхитительная надежда исчезла, унылость на лицах их. Внезапное уничтожение масонских лож послужило к тайному огорчению многих. Между тем просвещение, хотя цензура постепенно сделалась строже, но в то же время явился феномен, небывалый

в России, — IX том “Истории Российского государства”, смелыми, резкими чертами изобразивший все ужасы неограниченного самовластия и одного из великих царей, открыто именовавшегося тираном, какому подобного мало представляет история! Непостижимо, каким образом в то самое время, как строжайшая цензура внимательно привязывалась к словам, ничего не значащим, как-то: ангельская красота, рок и пр. — пропускала статьи, подобные Вольтеру, Исповеди Наливайки, Братьев разбойников и пр. Пред самым восшествием Вашем на престол, в 21 номере Северного архива показалась статья об избрании Годунова на царство. С 27 ноября по 14 декабря в одном магазине выставлялись портреты Пиеррот и Квирочи. Все сие не есть ли действия одного и того же духа? Происшествие с переводом пастора Гаспера дало повод к немалому волнению умов. Удаление князя Голицына от министра просвещения и уничтожение Министерства духовных дел сделалась эпохою изложения мистицизма и соблазна. Представилось соблазнительное торжество известного Фотия, представляющего святого ревнителя и в то же время обирающего именитую свою покаяницу. Обнародован оскорбительный для князя Голицына рескрипт к новому министру просвещения по случаю дозволения напечатать книгу Стошевича, за поущение коей пострадал духовный цензор Иннокентий, между тем как читавшая публика книгу сию уверяют, что она ни той, ни другой чести не заслуживала. Объявлено запрещение и самая конфискация тех книг, кои прежде напечатаны с Высочайшего дозволения, приостановлен даже Катехизис архиепископа Филарета, на заглавном листе коего обозначено было, что он Святейшим Синодом рассмотрен, одобрен и с Высочайшего соизволения напечатан. Надобно было видеть действие такого запрещения: в два-три дня в Москве выкупили все экземпляры за тройную цену, с такою жадностью желали все узнать, что мог написать архипастырь, добродетельною жизнью славящийся, противного духу христианской религии. В то же время последовало два указа насчет священников и духовенства вообще, первый распубликованный чрез гражданских губернаторов, чтобы миряне поили до пьяна священников, а второй, данный Синоду, чтобы отличить жен и дочерей священнослужителей и церковно особым одеянием. Тот и другой оскорбили духовенство и сделали оное предлогом разных сарказмов в публике. Если все это делалось без скрытой пружины, то, по крайней мере, произвело одно действие: возбудило умы против правительства и поощрило к желанию чего-либо лучшего. Достопочтенный министр просвещения

между тем в речи своей открыл намерение правительства остановить успехи превратного просвещения — новым поводом к неудовольствию свободомыслящих. Если продолжать о сем размышлять, как вдруг происшествие в Грузии представило глазам публики не менее всех поразивший. Брожение умов и ожидание предшествовало важнейшему событию. О, Государь! Удостоите изложить все вышеизложенное, и Вы изволите увидеть и убедиться, что истинный корень республиканских правил скрывается в самом просвещении и образовании, которое правительство в течении 24 лет само давало юношеству. Оно само питало их, как млеком, либеральными деяниями, между тем как, вступая на деятельное поприще жизни, они на каждом шагу встречали повод к достижению этой цели, к которой ведет подобное образование. Преследовалось теперь за свободомыслие, не то ли же будет значить, что бить слепого, у которого трудно операцию снять катаракты и которому показан свет за то, что различает предметы. Когда Вы изволите быть в Москве, то увидите в ней в министров изображение русского юношества, возросшего в XIX в. Это училище обществом сельского домоводства для помещичьих крестьянских детей, учрежденное директором сего училища, почтенный профессор Павлов, надзирая над их воспитанием, обходится с ними со всею деликатностью и к тому же приучает к взаимному обхождению. Между тем с преподаванием наук, развивающих высшие понятия, возвышающих душу, — они делаются людьми выше своего состояния, и зачем все это? Чтобы по окончании курса отдать помещику, который при первом капризе может сего образованного юношу послать в конюшню для телесного наказания. Не есть ли это тоже, что точить на себя нож жесточения? Всемиловейший государь! Сколько бы ни оказалось членов тайного общества, или выдававших про оное, сколько бы многих, по оному преследованию не лишили свободы, — все еще останется гораздо более число, разделяющее те же идеи и чувствования. Россия уже так просвещена, что лавочные сидельцы читают газеты. А в газетах пишут, что говорят в Палате депутатов в Париже. Не первая ли мысль родится в голове каждого? Большая часть профессоров, литераторов, журналистов должны душевно принадлежать к желаниям конституционного правления, ибо свобода тиснения сопряжена с личною их выгодною. Книгопродавцы тоже. Купцы тоже. Наконец все те, кои бывали в иностранных государствах, а иные и образовались там, все те, кои служили в гвардии и теперь служат, не того ли же образа мыслей? Кто из молодых людей, несколь-

ко образованных, не читали, не увлекался сочинениями Пушкина, дышащего свободою? Кто не сатировал басни Дениса Давыдова, голова и ноги? Может быть, в числе тех, кои имеют счастье окружать Вас, есть таковые. О, Государь! Чтобы истребить корень свободомыслия, нет другого средства, как истребить целое поколение людей, кои родились и образовались в последнее царствование. Но если сие невозможно, то остается одно: препобудить сердца милосердием и увлечь умы решительными, явными приемами к будущему благоденствию России. В сем отношении дозвольте обратить Высшее внимание Вашего Величества на два коренных устава России, кои приносят неприметный, но действенный вред: Табель о рангах и городское положение. По первому быстро умножается класс личного, беспотомственного дворянства, подобно польской шляхте, которое всякий труд и ремесло почитает низким, живет различными изворотами и вообще составляет род людей, который при переворотах может надеяться что-нибудь выиграть, а потерять ничего не может. Недавно один такой чиновник посажен был в городскую тюрьму по взысканию за повышение чина. По городовому положению, собственно гражданам наших городов почитаются одни купцы и мещане с такою притом особенностью, в отношении к первым, какой едва ли есть что подобное в других государствах, а именно того, что права, облагораживающие особу гражданина, даны не лицу, а капиталу, от этого происходят двоякие следствия: богатый честный купец невинно разорившийся — потеря богатства есть само по себе несчастье великое, но закон вместо утешения утешает его иначе: отнятием всяких прав, отличающих его от низшего класса, с другой стороны, будь гражданин Сократ добродетелен, и он подвержен тягостям низкого звания, если небогат, будь, напротив, заявлен в бесчестных правилах, но объяви капитал — он получает права, равные дворянству, самим приездом ко двору. Поистине гибельный соблазн гражданской добродетели, а без нее никакое государство не может быть благополучным. Государь! Вы восприняли скипетр России в самых затруднительных обстоятельствах, но вместе с тем сколько предстоит Вам предметов на пути к истинной неувыдаемой славе, к немерцающему бессмертию. Воскресите в своей особе благодушного Генриха IV, которого желание видеть в воскресный день курицу в супе каждого крестьянина пребудет прочнейшим памятником в сердцах позднейшего потомства. Великий Генрих принял Францию в бедственном положении, но, пожелав видеть ее счастливою, избрал честного Сюли — и в 9 лет все изменило

свой вид. Вам предстоит подобное: даровав духовенству нравственное образование, подкрепить упавшее и 24-летним займом в конце разоренное дворянство, воскресить коммерцию и промышленность незыблемыми уставами, водворить правосудие учреждением лучшего судопроизводства, преобразовать города введением гражданских прав, подобных другим государствам, дать другое постепенное для всех состояний просвещение юношеству, улучшить состояние землевладельцев, уничтожить унижительную для нации продажу людей, воскресить флот, поощрить к мореплаванию частных людей, к чему призывают Америка и Гаити, но мне ли исчислять все отрасли государственного блага, которые должны от Вас произойти и дать плод? Августейший монарх! В последнем порыве любви к Отечеству дерзнул я, не желая уподоблять евангельскому рабу, сокрывшему талант свой в земле, представить все то, что по бытности моей при делах и по обращению в среднем состоянии мне известно относительно настоящего положения России, которую я имел случай видеть от Камчатки до Польши и от Петербурга до Астрахани. Я исполнил сие, сколько то растерзанное сердце горестью и необходимость писать набело мне дозволили, имев счастье прочесть благость во взорах Ваших, я скорблю об одном, что Вы, государь, не сердцеведец. О! Если бы Вы изволили видеть, какими чувствами исполнится душа моя, может быть, удостоили бы меня Вашим состраданием. Но да свершится Воля неисповедимого в путях своих провидения, с благовоением повергаюсь к священным стопам Вашим, Всемилостивейший государь, Ваше Императорское Величество. Барон Владимир сын Штейнгель, отставной подполковник, заключенный в Петропавловской крепости генваря 11 дня 1826 г.»⁶

В.И. Штейнгель был осужден по III разряду и по конфирмации 10 июля 1826 г. приговорен к каторжным работам на 20 лет. Доставлен в Читинский острог 15 августа 1827 г., затем в Петровский завод 23 сентября 1830 г. По указу от 14 декабря 1835 г. обращен на поселение в с. Елань Иркутской губернии, затем был переведен в Ишим, Тобольск и Тару. По Манифесту об амнистии 26 августа 1856 г. был восстановлен в прежних правах, выехал из Тобольска 29 сентября 1856 г., прибыл в Тверь 25 октября 1856 г., откуда выехал в Петербург для проживания с семейством у сына Вячеслава. Умер в Петербурге, похоронен 24 сентября 1862 г. на Охтинском кладбище. Владимир Иванович был женат с 1810 г. на дочери действительного статского советника, директора Кяхтинской таможни Пелагее Петровне Вонифатьевой

и от нее имел детей: Юлию (7.4.1811–2.7.1897), с 1833 г. замужем за сенатором Михаилом Ивановичем Топильским (10.5.1809–2.1.1873); Ростислава (1.2.1813–); Всеволода (25.11.1814–), морской офицер; Веру (1815–); Марию (1816–8.3.1817); Николая (7.12.1817–1845), артиллерист; Надежду (31.7.1819–11.12.1898); Вячеслава (12.5.1823–8.9.1897), инспектор Александровского лицея (1853–1858), редактор «Российской военной хроники» (1858–1868), генерал от инфантерии (1891). Владимир Иванович вторично женился в 1855 г. на Людмиле Петровне Анжу (4.2.1834–15.6.1897). Гражданская жена барона в Сибири (с конца 1830-х годов) Петрова, вдова ишимского чиновника. Познакомилась со Штейнгелем в Ишиме между 1837 и 1840 г., где он находился на поселении. В марте 1840 г. последовала за ним в Тобольск, где у них родились дети: Мария (1841–) и Андрей (1842–). Определением Правительствующего Сената от 18 июня 1857 г. внебрачным детям было Высочайше дозволено носить фамилию барона с правами личного почетного гражданства⁷.

Бароны фон Штейнгель Указом Правительствующего Сената № 6331 от 4 ноября 1863 г. были внесены в 5-ю часть Дворянской родословной книги Эстляндской губернии, определением Киевского дворянского депутатского собрания от 6 сентября 1879 г. внесены в 5-ю часть Родословной книги Киевской губернии Герман-Рудольф-Александр Фридрихов-Вильгельмов-Карлов с женою Марию Федоровною и сыновьями: Сергеем, Иоанном, Федором и Владимиром. Решением Киевского дворянского депутатского собрания 27 апреля 1892 г. к роду причислены: Георгий, сын Иоанна Германа-Рудольфа-Александрова. Решением Киевского дворянского депутатского собрания 24 апреля 1895 г. к роду причислены: жена Владимира Германа-Рудольфа-Александрова Варвара Петрова с дочерью Марию Владимировной.

Барон Штейнгель Рудольф Васильевич (5.06.1841–20.11.1892) стал родоначальником династии крупных предпринимателей баронов фон Штейнгель. Рудольф Васильевич — действительный статский советник, инженер путей сообщения, строитель железных дорог. Родился в 1841 г. в Ревеле и по окончании среднего образования в местной гимназии поступил в Институт инженеров путей сообщения. После окончания в 1861 г. института был назначен на службу в Московский округ путей сообщения, был привлечен к постройке Московско-Рязанской железной дороги, Московско-Курской дороги. По окончании этих работ был назначен главным инженером и начальником

Выписка из родословной дворянской фамилии фон Штейнгель⁸				
Иоанн Вильгельм , полковник русской службы				
ж. — Gertruta Catharina Cramer				
Heinrich Ludwig Magnus , поручик				
ж. — Charlotte Jacobine von Steinheil				
Wilhelm Friedrich Carl (1801-), поручик				
ж. — Pauline von Schilling «Формулярный список о службе и достоинстве секретаря Эстляндского дворянства, отставного гвардии подпоручика барона Василия фон Штейнгеля , 20.12.1857 г.: Василий Максимович фон Штейнгель (Wilhelm Friedrich Carl) Magnus von Steinheil , 59 лет, обучался в Дерптской гимназии до 1 класса, в службу вступил в дворянский полк 30.01.1816 г., переименован в унтер-офицеры 22.12.1818 г., произведен в прапорщики с переводом в лейб-гвардии Волынский полк 9.05.1819 г. По прошению уволен подпоручиком 31.12.1820 г. Женат на баронессе Шиллинг (Pauline von Schilling) , имеет дочерей: Юлию (19.10.1824—), Матильду (2.11.1826—), Марию (22.07.1830—), Елизавету (7.11.1835—), Паулину (19.07.1839—), Шарлотту (19.05.1844—), и сыновей» ⁹				
I-----I-----I-----I-----I				
Вильгельм (19.08.1828—)	Николай (1.09.1832—)	Магнус (17.01.1837—)	Рудольф (5.06.1841—1892)	Леонгард (5.02.1843—)

работ Орловско-Витебской железной дороги, а затем исполнял те же обязанности на Грязе-Царицынской и Балтийской железных дорогах. Барону была предоставлена концессия на постройку Ростово-Владикавказской железной дороги, и он организовал для этой цели акционерное общество. Этому обществу отданы были постройка Новороссийской ветви и устройство коммерческого порта в Новороссийске. Коммерческий порт с элеваторами, эстакадами и другими приспособлениями, согласно современным требованиям, был выстроен очень скоро и явился последним словом техники. Кроме усадьбы на Бульварно-Кудрявской в Киеве, барону принадлежало еще несколько домов в этом районе. Он занимался виноделием, построил огромный винокуренный завод и ферму «Хуторок» на Кубани, держал винную лавку на Ярославовом Валу, содержал университетскую клинику имени барона Штейнгеля, а его супруга, Мария Федоровна Штейнгель, в 1873 г. пожертвовала деньги на перестройку Сретенской церкви. Образцовое хозяйство Рудольф Штейнгель создал на приобретенных им землях на левом берегу Кубани. В имении «Хуторок» была и фер-

ма, с которой вывозили на рынок до 10 тыс. голов скота. Барон Штейнгель скончался в Киеве 20 ноября 1892 г., где и похоронен. После смерти барона имение унаследовал его 26-летний сын Владимир Рудольфович Штейнгель, сделал «Хуторок» образцовым хозяйством, прославившимся на всю Россию. На Всемирной выставке 1900 г. в Париже получили высокие награды представленные Штейнгелем блестящие образцы рационального земледелия, лесонасаждения, овцеводства и винокуренного производства. Велось крупное полевое и скотоводческое хозяйство, работали винокуренный и ректификационный заводы, за собственное виноградное вино имение получило почетный диплом и золотую медаль в 1895 г. в Париже. В имении были железнодорожная ветка и шоссейные дороги, телефон и телеграф, метеорологическая станция, гостиница и больница.

Братья Рудольфа Штейнгеля, Максим и Леонгард, также были учредителями акционерного общества Владикавказской железной дороги и стали видными предпринимателями. Род баронов Штейнгель обосновался в Киеве с 1877 г. Прибывший в Киев из Эстляндии Максим Васильевич Штейнгель сразу купил себе двухэтажный особняк на Ярославовом Валу, д. 3. Именно здесь располагалась его винная лавка, где барон продавал вино собственного производства из винограда, выращенного в его имении близ Туапсе. Максим Васильевич основал имение «Туишхо» на 160 десятинах земли вблизи Туапсе, развел прекрасный виноградник и пчельник, открыл сеть винных магазинов. Леонгард Васильевич владел паровым маслобойным заводом в Екатеринодаре — крупнейшим предприятием по переработке подсолнечных семян, выпускавшим до 200 тыс. пудов масла в год, а также кирпично-гончарным производством. Имена баронов Штейнгель сохранились в истории Кубани. На гербе Новокубанского района изображены червлёный лев, держащий передними лапами колосья, и два молота крест-накрест с золотыми рукоятками: эти фигуры и элементы взяты из герба барона Штейнгеля.

Символом Крыма считается «Ласточкино гнездо». В 1911 г. купчиха Рахманова продает «Ласточкино гнездо» бакинскому нефтепромышленнику барону П.Л. Штейнгелю.

Барон Павел Леонардович Штейнгель (1880—1965) был племянником барона Рудольфа Васильевича Штейнгеля (1841—1892). Здание перестраивается по проекту известного архитектора А.В. Шервуда (1871—1954), сына известного архитектора В.О. Шервуда, автора проекта Исторического музея на Красной площади в Москве. В начале

Первой мировой войны барон распродает свою собственность и уезжает в Германию, «Ласточкино гнездо» он продал московскому купцу Шелапутину. В 1927 г. во время землетрясения обрушилась часть скалы, а здание устояло, оно было восстановлено и укреплено в 1971 г. Отец Павла Леонардовича, Штейнгель Леонгард Васильевич, заведовал материальной частью строительства Новороссийской ветки Владикавказской железной дороги и был владельцем маслобойного и черепичного заводов в Екатеринодаре.

Бароны Штейнгель стали инициаторами постройки роскошного Курзала в Кисловодске (ныне в нем расположен большой зал филармонии), в этом городе они имели и собственный дом. Во Владикавказе находился дворец, дар барона городу, в котором располагалась Городская дума.

По поручению Максима Штейнгеля архитектор Александр Шиле придал особняку на Ярославовом валу, 3, в Киеве более роскошный вид, пристроив лестницу со двора и разбив парк.

Фридрих-Вильгельм-Карл фон Штейнгель (1801–1878)				
ж. — Pauline von Schilling				
I-----I-----I-----I-----I				
Герман-Рудольф-Александр		Максим		Леонгард
(5.06.1841–20.11.1882)				
ж. — Мария Федоровна Каменская				I
I				I
I-----I-----I-----I-----I				
Феодор	Сергей	Иоанн	Владимир	Павел
(26.11.1870–)	(18.06.1864–)	(18.06.1868–)	(1.12.1871–1927)	(1880–1965)
1 ж. — Мария Ивановна Шандыбина.			1 ж. — W. Trubetzkoj	
2 ж. — Вера Николаевна Штейнгель			2 ж. — M. Kreidl	
I			I	
I-----I-----I-----I-----I				
Борис	Николай	Владимир	Peter von Steinheil	
(21.01.1892–) (25.11.1896–) (11.01.1898–16.8.1935)			I	
Liudmila von Steinheil (1923–2004)				
м. — S.S. Ragozin (1921–2005)				

Максим Рудольфович
фон Штейнгель

Федор Рудольфович
фон Штейнгель

Барон Федор Рудольфович фон Штейнгель с 1900 г. владел изразцовой фабрикой в Холме Люблинской губернии, в своем имении Городок на Волыни построил школу, содержал больницу для крестьян. Устроил музей археологических и этнографических находок на Волыни. Весной 1906 г. как представитель кадетской партии Федор Штейнгель был избран в первый состав Государственной думы от города Киева, играл видную роль в масонских организациях. В 1909 г. он был мастером ложи «Киевская заря»; вскоре получил тот же ранг в ложе «Правда». С 1912 г. Федор Рудольфович председательствовал в Петербургской ложе, членом совета которой в то время являлся Александр Керенский. В 1917 г. после Февральской революции Штейнгель возглавил исполком Совета объединенных общественных организаций в Киеве, стал членом первого состава Украинской центральной рады, в гетманской Украинской державе стал послом в Германии. После занятия Украины большевиками Штейнгель остался в Германии, в 1922 г. жил в Берлине. В 1924–1940 гг. жил в своем имении Городок и в начале 1940 г. был вывезен с семьей в Германию.

Барон Владимир Рудольфович фон Штейнгель

Барон Владимир Рудольфович Штейнгель (1.12.1871–1927) — крупный предприниматель, создатель уникального промышленно-сельскохозяйственного комплекса «Хуторок» на Кубани. Родился в С.-Петербурге 1 декабря 1871 г. в семье известного инженера, строителя железных дорог барона Рудольфа Васильевича Штейнгеля. Начальное образование получил в Киевской коллегии Павла Галагана. По окончании поступил на физико-математический факультет Киевского университета Св. Владимира. После смерти отца в 1882 г. был вынужден прервать образование и заняться ведением хозяйства в имении «Хуторок». Общая площадь имения — 20 тыс. десятин. Основу животноводства составляло стадо овец-мериносов — более 40 тыс. голов. Имелось более 1 тыс. голов крупного рогатого скота и 500 свиней, собственный винный завод. В подсобных целях была организована пасека из пчел кавказской породы — около 150 семей. К имению подходила железнодорожная ветка, построенная за счет владельца Хуторка, имелись телефонная связь, водопровод, канализация. Насчитывалось более 600 отдельных построек, паровая водокачка, пекарня, гостиница, кирпичный завод. В конюшнях разводились полукровные английские лошади на продажу. Оборот имения составлял 3 млн руб. ежегодно. В имении работала больница для рабочих и служащих на 18 коек. Было открыто училище 3-го разряда на 50 детей. При школе была устроена метеорологическая станция. В 1907 г. барон Штейнгель перевел свое овцеводство с Кавказа в Сибирь. В годы Первой мировой войны В.Р. Штейнгель построил галетную фабрику. В 1918 г. имение «Хуторок» было национализировано. В.Р. Штейнгель был арестован, но вскоре выпущен по просьбе работников имения. В 1920-е годы эмигрировал в Париж.

Внучка барона Владимира Рудольфовича фон Штейнгеля — Людмила Петровна фон Штейнгель (1923–2004) — в 1953 г. в Париже вышла замуж за Сергея Сергеевича Рагозина (1921–2005). Его отец, Сергей Дмитриевич Рагозин (1897–1976), был направлен во Францию в составе Русского экспедиционного корпуса в 1914 г. После переворота в России в октябре 1917 г. Сергей Дмитриевич остался во Франции и женился на русской эмигрантке Вере Рау. Дмитрий Петрович Рагозин (1875–1940) был женат на дочери статского советника и помещика Сергея Дмитриевича Головнина (1848–1921), Серафиме Сергеевны Головниной (1877–1949), и нажил с ней детей: Сергея, Марию, Дмитрия, Наталью, Елену и Татьяну.

Дмитрий Петрович Рагозин
с сыновьями Сергеем и Дмитрием

Сергей Дмитриевич Рагозин
с супругой во Львове

Укороченные древа дворянских родов		
Рагозиных, Головниных, баронов фон Штейнгель		
Albertus de Steinhillen, “miles-lebre 1250 in Schwaben”		
Dietricus, 1285		
Heinrich Steinhoel- Steinhowel-Steinheil	Никита «Головня» (XIV)	
Hans Steinheil	?	
Jacob Steinhowel	Иван Головнин (XV)	
Georg Steinhowel	Иван большой	
Иев Рагозин	Hans Steinhowel-Steinheil	Тарасий (+до 1594)
Дмитрий (1630–)	Georg Engelhardt Steinheil	Игнатий (+1652)
Давид (1650–)	Georg Albrecht	Петр большой Головнин
		ж. — Е.П. Головнина
Федор (1680–)	Johann Wilhelm	Иван
Дмитрий (1730–)	Johann Wilhelm	Кирилл Головнин (1676–1739)
		ж. — К.И. Пушина
Афанасий (1765–1820)	Heinrich Ludwig Magnus (1763–1848)	Григорий (1722–1798)
	ж. — Авдотья Андреевна	ж. — И.Е. Кутузова
Петр	Wilhelm Friedrich Carl (1801–1878)	Викул (1771-1846)
	ж. — А.С. Панюшина	ж. — Е.В. Вердеревская

Афанасий (1819–) Herrmann Rudolph (1841–1892) Дмитрий Головнин (1807–1872)	
ж. — М.К. Дахт	ж. — С.П. Мещерская
Петр (1851–) Wladimir (1872–1927) Сергей Головнин (1848–1921)	
1 ж. — W.Trubetzkoj, 2 — M. Kreidl	ж. — Е.К. Смольянинова (1855–1911)
Дмитрий (1875–1940) ж. — С.С. Головнина (1877–1949) I	Петр Головнин (1880–1918) ж. — Л.П. Некрасова (1882–1954) I
Сергей Рагозин барон Петр Штейнгель ж. — Вера Рау	Андрей Головнин (1909–1980) ж. — З.Н. Преображенская (1914–2012)
I-----I-----I-----I	I-----I-----I-----I
Сергей, ж. — Л.П. Штейнгель Владимир Елена Петр Головнин (1950)	
(1921–2005) (1923–2004) ж. — Б.-С. Ламберт м. — Е.К. Соколов	
I	I
I-----I-----I-----I	I-----I-----I-----I
Сергей Петр Наталья Николай Кирилл Михаил Александр Наталья	
(1954–)(1957–) (1959–) (1965) (1952–) ----- (1953–) (1957–) (1959–)	
ж. — Б. де Розье ж. — В. Де Сен ж. — Гладис Урикар ж. — Сельви Ренар ж. — Мари-Роз Эвен м. — Жан-Франсуа Ошар	
	I I I
	I I I
	I-----I I-----I-----I I
	Орион Илан Сара Марион Самуил Дмитрий
	(1986–) (1987–) (1973–) (1980–) (1984–) (1986–)

В 1990 г. в Доме дружбы и мира с зарубежными странами в Ленинграде состоялась международная конференция «600 лет дворянскому роду Головниных», на которую прибыли родственники и гости из России, США, Франции, Англии и Японии. На конференции были сделаны доклады по истории рода Головниных и родственных фамилий: Пушиных, Рагозиных, фон Штейнгель, князей Мещерских, Рязанских и Смоленских. Людмила Петровна Рагозина, урожденная баронесса фон Штейнгель, рассказала о роде и подарила автору генеалогическое древо баронов фон Штейнгель (с XIII в. по настоящее время).

После конференции в Ленинграде участники отправились в Москву и Рязань, где состоялись юбилейные заседания и посещение родовых имений Головниных в Рязанской губернии (Красильники, Гу-

Владимир Сергеевич Рагозин выступает в московской мэрии

Слева направо: Лита Эванс (США), П.А. Головнин, Л.П. Штейнгель (Франция), З.Н. Головнина

лынки, Кирицы). В настоящее время в России актуальны слова философа Лудмера: *«Если у нас справедливо жалуются на слабость исторического чувства в русском обществе, то не является ли она следствием пренебрежения к своему родовому прошлому. Историческое самосознание — самое необходимое для великого народа, не придет, думается нам, до тех пор, пока не установятся духовные связи между потомками и предками. Оживить их поблекший в памяти образ, воскресить их забытые деяния и заслуги должно было бы быть делом наиболее дальновидных умов в русском дворянстве».*

1. Общий морской список. СПб., 1885. Т. V. С. 388–389.
2. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1343. Оп. 46. № 2310. Дело о дворянстве Штейнгелей, 1864. Л. 12.
3. Русский биографический словарь А.А. Половцова. СПб., 1900. Т. XXIII. С. 412–415.
4. РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. № 2306. Дело по отношению Инспекторского департамента Военного министерства о происхождении прапорщика Артиллерийского училища Николая Штейнгеля. 1839. Л. 24.
5. Российский государственный архив Военно-морского флота (РГАВМФ). Ф. 224. Оп. 1. № 222. Церемония открытия заседаний Верховного уголовного суда; протоколы допросов участников восстания декабристов. 1826. Л. 3–8.
6. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 1000. Оп. 3. № 1430. Письмо В.И. Штейнгеля Николаю I. 11.01.1826. Л. 1–7.
7. *Мамсик Т.С.* Декабрист В.И. Штейнгель и его воззвания к сибирским крестьянам // Ссылные революционеры в Сибири. Иркутск, 1987. Вып. 10; *Коваль С.Ф.* Биография В.И. Штейнгеля // Дум высокое стремленье. Иркутск, 1975; *Он же.* Биография В.И. Штейнгеля // Там же; Записки В.И. Штейнгеля // Мемуары декабристов. Северное общество. М., 1981. С. 147–264.
8. РГИА. Ф. 1343. Оп. 46. № 2310. Дело о дворянстве Штейнгель. 1864. Л. 11.
9. Там же. Л. 34.